ALEKSANDR DEMIDOV

ВОДА И ПЕПЕЛ

Книга 1

БАКСЫ

Aleksandr Demidov

Баксы

«Автор»
2026

Demidov A.

Баксы / A. Demidov — «Автор», 2026

Он умел предсказывать судьбу, но не сумел спасти собственного сына.1399 год. Битва на Ворскле. Войско разбито, привычный мир рушится. Старый баксы Тайган вместе с одиннадцатилетним внуком покидает степь и отправляется на земли Великого княжества Литовского.На чужой земле, среди чужих обычаев и новых верований, Тайган пытается сохранить память своего рода. Но внук взрослеет, выбирает собственный путь, и всё, чему старик посвятил жизнь, постепенно теряет силу.Можно ли сохранить наследие предков, не отнимая у потомков права на собственную судьбу?«Баксы» — исторический роман о вере, любви, утрате и незримой связи поколений.Первая книга трилогии «Вода и пепел».

© Demidov A., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Кость сказала 6
Глава вторая. Дорога на закат 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Aleksandr Demidov
Баксы

Aleksandr Demidov
Вода и пепел • Книга первая
БАКСЫ
Роман
© Aleksandr Demidov, 2026
Тайган нёс кость так, как несут не память, —

а как несут то, что оказалось правдой и не помогло.

Глава первая. Кость сказала

За три дня до того, как всё легло так, как легло, Тайган сидел у огня и жёг баранью лопатку.

Огонь был правильный — сухой полынный корень, ровный жар без дыма. Кость он выскоблил сам, обточил край, держал над углями за широкий конец, как держал шестьдесят лет. Лопатка темнела, потом белела по краю, потом пошла первая трещина — от лунки к ости, вверх, как всегда шли добрые вести. Тайган ждал.

Он не любил слово «прорицатель». Так называли его те, кто думал, будто он видит вперёд. Он только читал кость, как читают след на снегу, оставленный оленем.

Первая трещина сказала: пойдут.

Вторая пошла поперёк, оборвала первую, и он понял: пойдут и лягут. Он видел такое дважды за жизнь и оба раза был прав, и оба раза от его правоты не сдвинулось ничего.

Он отнёс кость к темнику. Не к хану — до хана его бы не пустили, да и что хану старик с обугленной лопаткой, когда за спиной Едигей, а Едигею не отвечают костью, Едигею отвечают конницей. Темник выслушал. Темник был не глуп, он посмотрел на трещины и на старика и сказал то, что говорят все, кто уже всё решил: если Небо против, зачем ты жёг кость. Мы всё равно стоим здесь, а Ворскла за спиной, и назад дороги нет.

Тайган забрал кость. Про третью трещину он темнику не сказал.

Третья пошла тонко, сбоку, к самому краю лунки, и оборвалась, не дойдя. Короткая. Такие он читал как жизнь, которая кончится не по своей длине. Одна из тысяч. Он смотрел на неё дольше, чем на все остальные, и не позволил себе назвать имя, которое просилось. Имён кость не говорит. Имена человек добавляет сам, от страха. Он сказал себе: одна из тысяч. И убрал кость в суму.

Его сын стоял в той тысяче.

* * *

Двенадцатого августа степь у Ворсклы была белой от жары ещё до того, как стала белой от пыли.

Тайгану было около шестидесяти пяти, и он не должен был здесь стоять — стариков не гонят в строй, — но он стоял позади, при обозе, при людях Тохтамыша, при остатках дома, которому его род служил с тех пор, как род ещё помнил себя целым. Он стоял и смотрел, как оно начинается, и это было хуже всего, что он знал: он уже видел это на кости, и теперь смотрел, как кость сбывается на живых.

Тумены хана Тимур-Кутлуга и Едигея пошли не сразу. Сначала была долгая, дурная тишина, в которой слышно было мух. Потом дальний край степи сдвинулся — не поскакал, а именно сдвинулся, как сдвигается берег, когда подмывает его паводком, — и Тайган понял, что первая трещина легла на землю. Пойдут.

Он искал сына глазами и не находил. В пыли все всадники — один всадник. Он знал только, что сын там, в левом крыле, где встали люди Тохтамышевой крови, и что левое крыло на кости легло первым.

Оно легло первым.

Тайган не видел, как это было близко, — только как это было издали, и, может быть, это его и спасло, потому что издали разгром не крик, а рисунок. Крыло смялось внутрь, как мнётся сухой лист, когда на него наступают. Он смотрел, как тела ложатся туда, где на кости легли трещины, — вниз к реке, поперёк, коротко, — и в какой-то миг перестал отличать, что он видит: степь под Ворсклой или обугленную лопатку у себя в руках. Одно проступало сквозь другое. Тонкая трещина сбоку, та, что оборвалась, не дойдя до края.

Он не искал больше сына. Он уже знал, где смотреть.

* * *

Мальчика он нашёл к вечеру, когда искать было уже нечего, кроме живых.

Бури сидел у брошенной телеги, поджав колени. Ему было одиннадцать. Он поднял на деда лицо, серое от пыли, и спросил про отца. По лицу мальчика Тайган понял, что тот уже знает.

Тайган не стал говорить. Он присел рядом на корточки, старые колени хрустнули, и посидел, пока мальчик смотрел на него. Потом сказал:

— Встань. Пойдём.

— Куда?

Тайган не знал куда. Позади была Ворскла, а за ней — степь, над которой теперь стояла чужая власть. Впереди был темник Тохтамыша, беглец с беглецами, уходящий на закат, туда, где леса и чужие реки и чужое небо, под которым, может быть, кость вообще не станет читаться. Тайган не знал, есть ли там что-то. Он знал только, что здесь — нет.

— Туда, — сказал он и повёл рукой на запад, где садилось солнце и где ещё ничего не было.

Он поднял суму. Кость лежала в ней, обугленная, с тремя трещинами, и одна из них теперь была не одна из тысяч. Теперь у неё было имя. Тайган нёс её так, как несут не память — память носят легко, — а как несут то, что оказалось правдой и не помогло.

Мальчик встал. Взял деда за полу чапана, не за руку — за полу, как берутся, когда не уверены, что имеют право на руку. Они пошли на запад, старик и волчонок, и степь закрывалась за ними, как закрывается вода над камнем: без следа, будто ничего и не тонуло.

Глава вторая. Дорога на закат

Степь после разгрома молчала.

Они шли на запад малыми косяками, как идёт скотина без пастуха: держась друг друга, но уже не зная зачем. Тайган смотрел на этих людей и видел не войско — он видел, как осыпается уклад. Вчера каждый из них знал своё место: чей он, в каком крыле, у какого бунчука, кому кланяться и кого держать за спиной. Место было прочнее человека. Человек мог упасть, место оставалось, и в него вставал другой. Теперь мест не было. Были люди на дороге, и каждый впервые за жизнь не знал, кто он без того, что стояло над ним.

На третий день от них откололись двое — развернули коней и ушли на восход, к Едигею. Никто не бросил им вслед ни слова. Тайган проводил их глазами и не осудил. Победитель кормит; голодный идёт на запах. Так же кость, нагреваясь, идёт трещиной туда, где тоньше, — не по злобе, по природе. Степь легла, и всё, что на ней стояло, теперь искало, к чему прислониться. Он читал это спокойно, как читал огонь. Только прислониться было не к чему и ему самому, и от этого спокойствие было холодным.

* * *

Бури горевал не так, как он.

У ночного костра Тайган понял: мальчик горюет по отцу, а он сам — ещё и по миру, который лёг под Ворсклой.

И в эту щель между их горем начинало что-то входить. Мальчик тянулся к тем, кто скакал впереди, — к молодым, у кого кони под седлом и сабли на боку и завтрашний день, за который стоит держаться. От деда тянуло памятью, а память была позади, в стороне заката солнца, там, где всё уже случилось.

Однажды ночью Тайган начал называть имена.

Он делал это не по случаю — по долгу. Так делали над ним, когда он был в возрасте Бури, и так надо было сделать над Бури, пока есть время. Он назвал отца мальчика. Назвал своего отца. Отца своего отца. Он вёл имена назад, к самому Курману, к тому, от кого пошли обе ветви, — и дальше, в туман, где имена делаются длиннее и глуше и переходят в тех, кого уже никто не видел, только помнил, что были.

На седьмом имени Бури уснул.

Он уснул сидя, привалившись к дедову плечу. Голова его сползла, и Тайган замолчал на полуслове. Мальчик прошёл за день столько, сколько взрослому впору.

Он укрыл спящего своим чапаном и досидел ночь молча. Думал: успею. Мальчик мал, дорога длинна, имена никуда не денутся.

* * *

С темником он стоял лицом только раз за всю дорогу.

До того темник был для него не человеком — местом. Последним местом, к которому ещё можно прислониться: пока жив хан, жив и дом, которому род Тайгана служил с тех пор, как род помнил себя целым. Тайган держался за него, как держатся за столб в темноте, — не за столб, а за то, что столб стоит.

Темник был ещё молод. В нём ещё горел Сарай — не память о нём, а воля вернуть его; он верил, что хан вернётся. Это горело в нём чисто, и Тайган, глядя на него, на миг согрелся о чужой огонь.

— Литовский князь даст войско, — сказал темник, глядя на запад, куда они шли. — Витовт силён. Он хочет того же, чего я. Мы вернём Сарай.

Он сказал это легко, как говорят о решённом. И в лёгкости, с какой темник готов был принять помощь чужого князя ради возвращения своего хана, Тайган услышал что-то, чего пока не мог назвать. Темник отдавал себя в чужие руки ради своего, и не видел в этом отдачи.

Тайган смотрел на него и думал, что вот так же входит вода в новое русло: сначала кажется, что река свернула по своей воле, а потом видишь, что русло было чужое и вело куда хотело оно, а не река.

Он не сказал этого вслух. Он ещё не был уверен, что это правда. Он только убрал её в себя, к тем немногим вещам, которые убирал, не читая до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.